

"Выдыхайте больше!"

"Ух, ух... не могу... дышать... !!"

"Больше, сильнее!"

"Ааааа!"

"Сейчас это может быть больно, но в будущем ты будешь мне благодарна. Тонкая талия и мягкое, стройное тело - одно из самых важных достоинств леди. Поняла? Изольда."

"Мама... дыши... Я не могу дышать... ."

"Так было изначально. Привыкай. Впредь, когда будешь спать, обязательно надевай корсет. Ты понимаешь? Из всех твоих сверстников твоя талия должна быть самой тонкой, походка - самой изящной, а тон и произношение - самыми культурными!"

"... Да, мама."

"Не задыхайся, ты не собака Изольда ты... ."

"... в будущем... я должна стать императрицей... я должна быть самой достойной дамой во всей империи... ."

"Хорошая работа, дочь моя".

Герцогиня смотрела на свою дочь ласковым взглядом и сладким голосом, нежно поглаживая ее мягкие серебристые волосы.

Она должна была стать идеальной императрицей. Чтобы опустошенный Элизиум мог возродиться. Другими словами, это была инвестиция. Герцог щедро предложил тысячи золотых только за то, чтобы обучить Елизавету. В то время как герцогиня учила ее быть великой леди строго по всем правилам. К счастью, Элизабет была хорошим, зрелым ребенком, который следовал своему образованию, не бунтуя.

Герцогиня стояла с прямой спиной, подбородком вверх, на ее лице было довольное выражение, она с улыбкой погладила Елизавету по голове. Чистые и ясные глаза Елизаветы смотрели на нее, в них было твердое доверие без единого проблеска сомнения.

Как только герцогиня вышла из комнаты, вокруг засуетились горничные, чтобы помочь расстегнуть корсет, пока она пошатывалась. Затянутый корсет душил Елизавету до такой

степени, что у нее закружилась голова, и она рухнула в объятия своих горничных. Но никто из служанок не доложил об этом госпоже.

Если бы госпожа знала, она бы первая позаботилась о том, чтобы на теле не осталось шрамов, если бы они были, она бы расстроилась, заявив, что это не по-лединому, а также отругала бы служанок.

Было бы лучше, если бы они помогли госпоже тайно, как сейчас. Конечно, они ни в коем случае не должны быть пойманы своими хозяевами. Ни один из пойманных не был выгнан с целой шеей.

Лишь однажды Элизабет решила сбежать из дома, еще когда она едва привыкла к корсетам и туфлям.

Няня, не выдержав издевательств герцогской четы, взяла девочку за руки и прошептала ей: "Давай убежим, сколько бы хорошего тебе ни казалось вокруг, это не то".

Даже в тот день следы от фитилей корсета были хорошо видны на нежной коже Элизабет, а маленькие пальчики ее ног были сморщены и кровоточили.

"Разве мне не нужно носить корсет? И туфли тоже? Но разве я леди?"

"Это нормально - больше не быть леди. Леди - это не кукла. Пусть мы будем бедны, но я дам тебе узнать, что такое настоящее счастье".

Однако их план побега был раскушен герцогом еще до того, как они успели покинуть лес, окружавший особняк.

Ее няню утащили куда-то по дороге, и Элизабет была вынуждена противостоять собственному отцу, у которого в тот момент было мужественное выражение лица.

Герцог Элизиумский держал в руках посох из черного дерева, но внутри он был наполнен свинцом. Рядом с ним стояла герцогиня с пакетом льда на красных, распухших щеках, так как она получила пощечину от мужа, который обвинял ее в том, что она не сумела должным образом воспитать своего ребенка.

Герцог Элизиумский поднял свой посох.

"Прошло четыре года..." пробормотала про себя бедная девушка.

В конце концов Элизабет смогла вычеркнуть из памяти то, что произошло в тот день, когда ее разъяренный отец поднял в воздух свою тяжелую деревянную трость.

Она даже не хотела вспоминать об этом, но всякий раз, когда она насильно вспоминала тот день, в памяти всплывало несколько вещей, на которые она смотрела с точки зрения третьего лица.

Ее собственные крики, мольбы о прощении, мольбы о помощи. Голос матери, отговаривающий герцога: "Что, если вы оставите смертельный шрам на ребенке, который станет следующей императрицей?". И ужасная боль, которую она почувствовала в тот момент, когда сломалась кость.

Она думала, что забыла, думала, что стерла все, поэтому воспоминания, погребенные глубоко под ее подсознанием, часто становились кошмарами и мучили ее.

Элизабет, обливаясь холодным потом, вскочила и только после того, как ощупала себя руками и проверила перед зеркалом, нет ли у нее сломанных костей или оставленных шрамов, она соизволила вернуться в постель.

С того дня каждый раз, когда она закрывала глаза, кошмар повторялся.

'Я была не права. Это я виновата в том, что поступила не по-женски. Папа всегда прав. Если бы я следовала указаниям матери, ничего бы этого не случилось. Если бы только я была немного более женственной'.

Она боялась закрыть глаза.

Даже сейчас, когда она снова думает об этом, у нее мурашки бегут по всему телу, и вдруг становится трудно дышать.

Будет ли лучше, если она оставит это в письменном виде, или ей станет легче, если она доверит это подушке?

Но вместо того, чтобы открыть дневник или поплакать на подушке, она поклялась скрыть все, что сделала, вместо того, чтобы рассказать, как ей больно.

Если она никому ничего не расскажет и будет держать все в себе, ее повседневная жизнь будет идти своим чередом.

<http://tl.rulate.ru/book/61436/2032563>